

8. *Габрусь, Т. В.* Ружаны: Дворцовый комплекс / Т. В. Габрусь // Свод памятников истории и культуры Белоруссии : Брестская область. – Минск: БелСЭ, 1990. – С. 367–368.
9. *Федорчук, А. Т.* Старинные усадьбы Берестейщины / А. Т. Федорчук. – 2-е изд. – Минск : БелЭн, 2006. – 576 с.
10. *Лазука, Б. А.* Гісторыя беларускага мастацтва: у 2 т. Т. 2: XVIII – пачатак XXI стагоддзя / Б. А. Лазука. – Мінск: Беларусь, 2007. – 351 с.
11. Ружанскі палац [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: www.belarus.by/ru/travel/belarus-life/ruzhany-palace. – Дата доступу : 20.04.2017.
12. *Кулагін, А. М.* Дзярэчанскі палац / А. М. Кулагін // Архітэктура Беларусі: энцыкл. давед.; рэдкал.: А. А. Воінаў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993. – С. 197.

М. В. Стрелец

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БЕЛОРУССКОГО УЧЕНОГО-ГЕРМАНИСТА

Доцент кафедры историко-культурного наследия Беларуси государственного учреждения образования «Республиканский институт высшей школы» Дмитрий Адамович Мигун имеет в своем активе труд, выход которого стал важной вехой в исследовании белорусско-германских связей. Речь идет о его монографии «Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.)». Комплексный анализ данной монографии является целью настоящего доклада. Вниманию участников конференции предлагается исчерпывающий разбор всех структурных компонентов монографии. Она состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка.

Во введении раскрыта актуальность избранной темы, показан теоретико-методологический инструментарий исследовательского процесса, очерчены предмет и объект исследования, проанализировано современное состояние базы источников, подведены итоги изысканий коллег автора на предмет исследования; выявлены те неосвоенные исследовательские поля, на которых решил сосредоточиться доцент кафедры историко-культурного наследия Беларуси государственного учреждения образования «Республиканский институт высшей школы».

Первая глава называется так: «Беларусь в системе политического, экономического и культурного германо-советского взаимодействия (ноябрь 1918–1933 г.)». Исходя из названия главы, включены три параграфа: «Политические связи», «Экономическое сотрудничество», «Культурное взаимодействие».

Первый параграф первой главы включает следующие сюжетные линии:
1) влияние Брестского мирного договора на судьбу белорусского народа;

2) возможности и границы деятельности БССР на германском направлении в 1919–1922 гг.; 3) германский вектор зарубежных политических связей БССР.

Нет нужды доказывать, что каждый народ должен сам решать свою судьбу. Хуже всего, когда за него это делают другие. Но именно это произошло касательно белорусского народа в связи с подготовкой и подписанием Брестского мирного договора.

Вначале обратим внимание на две даты. 7 декабря 1917 года в Минске начал свою работу Первый Всебелорусский конгресс. 9 декабря 1917 года в Брест-Литовске стартовали переговоры на предмет подготовки мирного договора между Советской Россией, с одной стороны, и Австро-Венгрией, Болгарией, Германией, Турцией, с другой.

Делегаты Первого Всебелорусского конгресса были избраны совершенно свободно, на подлинно демократической основе. Естественно, белорусский народ уполномочил их решать свою судьбу. Был избран Исполнительный комитет Рады Первого Всебелорусского конгресса. Логично, что он должен был быть представлен в переговорном процессе. Что же произошло в действительности?

Во-первых, конгресс был разогнан большевиками-ленинцами.

Во-вторых, и Советская Россия, и ее партнеры по переговорам не желали, чтобы одной из сторон был Исполнительный комитет Рады Первого Всебелорусского конгресса (Исполком).

Минский ученый показывает, что в создавшейся ситуации Исполком продемонстрировал ответственность перед своим народом, не выходил за рамки правового поля, сделал максимум в плане отстаивания наиболее справедливого решения. Он направляет своих представителей в Брест-Литовск. Их путь в Брест-Литовск был долгим. Сказалась сложнейшая обстановка и на родине, и в соседней Украине. «Белорусы оказались в Брест-Литовске лишь 15 февраля 1918 года, когда переговоры уже были фактически завершены» [1, с. 35]. Договор был готов к подписанию. Из всех сторон, участвовавших в переговорном процессе, их согласилась выслушать только германская. Правда, она напрочь отказалась каким-либо образом брать в расчет позицию Исполкома. Что же донесли до германцев представители Исполкома? В монографии читаем: «Белорусская делегация ... передала членам германской делегации меморандум, в котором проводилась идея создания неделимой Беларуси в ее этнографических границах. Белорусы выражали неудовлетворенность тем, что условия договора предусматривали отторжение части белорусской территории на западе и юге, а также тем, что договор не предусматривает выплату компенсации белорусскому населению за ущерб, причиненный в ходе военных действий» [1, с. 35].

Брест-Литовский мирный договор был подписан 3 марта 1918 г. К германцам отошла значительная часть белорусской территории, размещенная на западе от линии Двинск – Свенцяны – Лида – Пружаны – Брест. Берлин удовлетворяло возникновение «малой Литвы». Под «малой Литвой» герман-

цы имели в виду не только коренные литовские земли, но и Виленщину и Гродненщину. В сферу германской оккупации попали большинство поватов Северо-Западного края. Исключение составили 14 поватов Витебской и Могилевской губерний: Витебский, Городокский, Климовичский, Мстиславский, Чаусский, Чериковский, частично Быховский, Гомельский, Горецкий, Могилёвский, Оршанский, Рогачёвский и Сенненский. Объективно антибелорусскую направленность имело и «зафиксированное в договоре обязательство Германии прекратить вмешательство в отношения между русским Советским государством и его отдельными областями и не поддерживать образование самостоятельных государственных организмов на этих территориях» [1, с.35]. Статья советско-германского договора исключала данное присутствие на востоке от реки Березины. Уже в сентябре–октябре 1918 г. часть волостей Лепельского, Могилёвского, Оршанского, Полоцкого и Сенненского поватов была возвращена в положение, которое существовало до германской оккупации.

Сравнение договоров от 3 марта 1918 г. и от 27 августа 1918 г. в плане их влияния на Беларусь получилось у автора монографии нестандартным. Он мастерски связывает его с историей белорусского вопроса, положением на фронтах Первой мировой войны, назреванием системного социально-экономического кризиса в Германской империи, представлениями кремлевских стратегов об идеальном мироустройстве.

Беларусь непосредственно затронули и те качественные изменения в советско-германских отношениях, которые произошли в ноябре 1918 г. Воспользовавшись резкой дестабилизацией обстановки в Германии в связи с началом Ноябрьской революции, правительство Советской России объявило об аннулировании Брест-Литовского мирного договора. Германское военное присутствие на белорусской земле сменялось присутствием войск Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), которая твердо стояла на страже власти большевиков-ленинцев. Их власть на белорусской земле осуществлял Северо-Западный областной комитет РКП(б).

На шестой северо-западной конференции РКП(б) было принято решение о создании БССР, отсчет истории которой начался 1 января 1919 года. В 1919–1922, 1944–1991 гг. она чисто формально была субъектом международных отношений, находясь под полным контролем Москвы.

Безусловно, с формальной точки зрения были основания для существования политических отношений между БССР и Германией с 1 января 1919 г. до 30 декабря 1922 г., когда образовался СССР и БССР стала одним из субъектов советской федерации. Судя по содержанию рецензируемой монографии, до 5 ноября 1922 г. такие отношения не имели место.

Важно иметь в виду, что Германия реагировала на факт образования БССР, не воспринимая ее в качестве субъекта международных отношений. На момент провозглашения БССР «ее территория еще не была целиком освобождена от войск Германии, а уже реальной становилась угроза со стороны Польши» [1, с. 36].

Судьбу белорусов вновь стали решать другие. «5 февраля 1919 года между Польшей и Германией было заключено соглашение, в котором оговаривались планы по захвату польскими войсками территории Беларуси, т.е. той территории, которая была занята ранее немецкими войсками» [1, с. 44]. Подписанты были едины в отрицательном отношении к белорусской государственности на советской основе. Варшава была удовлетворена тем, что «немецкие власти обязывались подавлять на территории Беларуси, которую они оставляли, все местное большевистское движение и вообще не допускать и не терпеть никаких большевистских организаций» [1, с. 44]. Вместе с тем поляки не получали от германцев вполне удовлетворительного ответа на вопрос: «Чья должна быть в конечном итоге Беларусь: польская или литовская?» В соглашении читаем: «Допуская польские войска на спорную ... между Польшей и Литвой территорию Беларуси, Германская империя ни в коей мере не выражает этим своего отношения к вопросу об окончательной принадлежности данной территории» [1, с. 44].

Официальный Берлин никак не реагировал на образование Литовско-Белорусской ССР, второе провозглашение БССР, Рижский мирный договор и в то же время продолжал поддерживать политические отношения с РСФСР. Наличие глубоко унижительных статей Версальского мирного договора, системный социально-экономический коллапс первых послевоенных лет, внешнеполитическая изоляция предопределили согласие Германии с предложением Советской России заключить Рапальский договор.

Минский ученый обращает внимание на то, что с момента подписания, то есть с 16 апреля 1922 г. до 5 ноября 1922 г. Рапальский договор не имел никакого отношения к БССР. Все изменилось 5 ноября 1922 г. Именно в этот день «в Берлине был подписан ... дополнительный договор о распространении на союзные с РСФСР республики (в том числе и на БССР) условий Рапальского договора» [1, с. 51]. Дополнительный договор был ратифицирован всеми подписавшими его сторонами. Он предопределил установление дипломатических отношений между БССР и Германией.

Механизм политических отношений между Германией и БССР функционировал довольно короткое время. После образования СССР уместно говорить о германском векторе зарубежных политических связей БССР. Д. А. Мигун четко показал детерминанты, которые предопределяли этот вектор. На данном векторе не могла не сказаться аритмия в советско-германских отношениях в 1922–1933 гг. Указанные связи были фрагментарными.

Автор подводит читателя к выводу о том, что политический аспект связей между БССР и Германией в 1919–1933 гг. был наименее продуктивным. Те аспекты, которые разбираются во втором и третьем параграфах, оказались более продуктивными.

Четко прослеживалась динамика в области экономического сотрудничества. «За три года с 1923 по 1925 г. удельный вес Германии в использовании экспорта Беларуси увеличился в три раза. Во второй половине 1920-х гг. на долю Берлина приходилось уже две трети всего экспорта

белорусских товаров за рубеж ... И во внутреннем импорте БССР Германия также вышла на первое место по поставкам своих товаров в Беларусь. В импортных закупках республики удельный вес продукции германского происхождения увеличился на 40 %» [1, с. 66]. Д. А. Мигун убедительно доказывает, что подобная динамика была достигнута, прежде всего, благодаря эффективной деятельности специального постоянного представителя Белвнешторга в Германии.

В третьем параграфе ученый показал, что в 1919–1933 гг. культурные и научные связи между БССР и Германией развивались вширь и вглубь. Он выявил динамику по данному аспекту как по количественному, так и по качественному параметрам. Читатель узнает, что «немецко-белорусский диалог культур в это время был многосторонним» [1, с. 80]. Автор систематизировал контакты в области науки. Он впервые в исторической белорусистике объясняет, почему «контакты между белорусскими и немецкими учёными приобрели довольно обширный характер» [1, с. 86], почему «самыми плодотворными были связи в области медицины» [Там же, с. 86].

Во второй главе предпринята весьма удачная попытка системной реконструкции политики Германии в отношении белорусского национального движения в 1918–1941 гг. Базируясь на принципе историзма, минский ученый учитывает как период первой германской республики, так и период национал-социалистической диктатуры. Ознакомившись с первым параграфом этой главы, проницательный читатель удовлетворит свой интерес на предмет практически неисследованных сюжетных линий, связанных с политикой руководства Веймарской Германии в отношении указанного движения. Во втором параграфе второй главы раскрыты место и роль этого движения в планах и мероприятиях руководства фашистской Германии (1933–1941 гг.).

В первом параграфе особое место занимает анализ деятельности Чрезвычайной миссии Белорусской Народной Республики (БНР) в Берлине. После прочтения монографии можно однозначно утверждать, что в исторической белорусистике никто не может сравниться с Д. А. Мигуном в плане соответствующего анализа. Он также убедителен и оригинален в ответе на следующий вопрос: «Почему Германия не признавала ни де-юре, ни де-факто существование БНР?» [1, с. 91].

Содержание второго параграфа интересно, прежде всего, новыми фактами о связях деятелей белорусского национального движения Ф. Акинчица, В. Козловского, Н. Щорса с германскими национал-социалистами. Предпринято пионерское исследование деятельности специальных научно-исследовательских центров на предмет снабжения руководства Германии всеми необходимыми сведениями о Беларуси. Показано сотрудничество представителей указанного движения с этими центрами. Убедительно доказана «ориентация большинства белорусских национальных центров на Германию в конце 1930-х – начале 1940-х гг.» [1, с. 111]. Впервые подробно рассматривается создание прогерманского Белорусского Национального Центра.

В третьей главе сформулирована авторская концепция при анализе роли Беларуси в отношениях Германии и СССР (1933–июнь 1941 г.). В первом параграфе этой главы дана оригинальная и в то же время убедительная трактовка явлений и процессов, которые вписываются в следующий тематический комплекс: «Беларусь в германо-советских отношениях до подписания пакта Молотова – Риббентропа». Пионерское исследование ряда значимых аспектов четко прослеживается во втором параграфе третьей главы «Беларусь в германо-советских отношениях в начальный период Второй мировой войны».

Судя по содержанию первого параграфа, в 1933–1939 гг. никак не наполнялся реальным содержанием политический аспект в связях между БССР и Германией, не просто складывалось неполитическое сотрудничество. Автор пришел к выводу что в этот период «немецко-белорусский диалог культур не был активным» [1, с. 152], «не состоялось глубокое литературное взаимодействие» [Там же, с. 153]. Вместе с тем имело место «интенсивное проникновение немецкой пролетарской литературы в БССР» [Там же], «более объемно и разнообразно в культурную жизнь Беларуси вошло творчество И. В. Гёте» [Там же], «белорусская культура в Германии стала более известной» [Там же, с. 154].

Во втором параграфе весьма удачно проанализированы роль Беларуси в операции «Барбаросса», деятельность германских спецслужб на белорусском направлении в сентябре 1939–июне 1941 гг., подготовка БССР к войне.

Относительно операции «Барбаросса», заслуживает быть отмеченным следующее обстоятельство. Гитлер заявлял: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого быстрого выдвижения танковых клиньев ... Границей главных операций должны ... стать Припятские болота. Основной удар следует нанести к северу от болот двумя группами армий. Одна группа армий будет наступать через прибалтийские государства на Ленинград, другая группа армий – через Беларусь, затем повернет на север, чтобы соединиться с первой группой. Таким образом, остатки советских войск, которые попытаются отступить из Прибалтики, окажутся в западне» [1, с. 154]. По замыслу высшего германского командования это создавало предпосылку для стремительного осуществления Московской битвы. Гитлер рассчитывал на блицкриг и глубоко просчитался.

Касательно деятельности германских спецслужб на белорусском направлении в сентябре 1939 – июне 1941 гг. впервые в белорусистике выделяются два периода. Главный критерий в этой периодизации: «характер задач и состав агентуры гитлеровской разведки» [1, с. 204]. Первый период охватывает время с сентября 1939 г. до начала января 1941 г., второй – с января 1941 г. до июня 1941 г. Минский ученый впервые выявил, что «начиная с января 1941 г. на территорию Беларуси засылались преимущественно высококвалифицированные агенты, снабжённые портативными радиостанциями» [1, с. 204].

Исследователь Д. А. Мигун показывает, что по состоянию на 22 июня 1941 г. подготовка БССР к войне была далека от завершения. Он пишет об ошибках в реорганизации войск, о серьезных проблемах на предмет строительства новых укрепрайонов.

В заключении подводятся итоги исследования. Главный итог – осуществлена системная реконструкция белорусско-германских связей в 1918–1941 гг.

Последний структурный компонент – библиографический список [1, с. 237–303]. Этот компонент начинается со списка русскоязычных использованных источников [1, с. 237–269]. 368 пунктов списка свидетельствуют о том, что ученый капитально изучил все те имеющие отношение к предмету исследования документы и материалы из Национального архива Республики Беларусь, которые утратили статус секретности.

Второй блок библиографического списка образовали исследования, опубликованные на государственных языках Республики Беларусь [1, с. 270–291]. Всего включено 243 наименования. Учтены практически все советские и постсоветские исследователи, сконцентрированные на белорусско-германских связях в 1918–1941 гг. Представляется вполне логичным лидерство в этом блоке доктора исторических наук, профессора В. А. Космача (20 наименований). И в советский, и в постсоветский периоды этот ученый наиболее плодотворно работал по указанной проблематике.

Третий блок представлен электронными ресурсами. Здесь присутствуют 10 пунктов [1, с. 291].

Четвертый блок охватывает иностранную литературу [1, с. 292–297]. Он делится на список использованных источников [1, с. 292] и исследования [1, с. 292–297]. Список использованных источников состоит из 2 наименований. Исследования же включают 82 пункта. Речь идет о работах авторов из старой ФРГ, ГДР, объединенной Германии, переводах на немецкий язык трудов советских и постсоветских ученых.

Заключительная часть последнего структурного компонента: личные публикации автора монографии [1, с. 297–303]. Здесь 19 статей в рецензируемых изданиях, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Республики Беларусь; 30 материалов конференций, сборников статей, статей в журналах, одна монография. Рецензенту приходилось знакомиться с многими из указанных публикаций. Они достойны отличной оценки, представляют собой серьезный вклад в науку. Самая первая публикация датируется 2001 годом. Это означает, что рецензируемая монография явилась плодом многолетнего труда. Прошло 4 года с момента опубликования рецензируемой монографии, и Дмитрий Адамович может записать в свой актив очередные серьезные работы по теме монографии.

Таким образом, монография Д. А. Мигуна «Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.)» представляет собой серьезный вклад в развитие исторической науки. Тираж в 100 экземпляров совсем не адекватен ее научной и практической ценности. Необходимо переиздание монографии с гораздо большим тиражом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мигун, Д. А.* Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.) / Д. А. Мигун. – Минск : БГУ, 2013. – 303 с.

А. И. Корсак

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ О ПОГИБШИХ ВОИНАХ ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ г. ПОЛОЦКА В 1944 г. (на примере братских могил)

Военные конфликты любого значения не проходят без потерь. При этом каждая из воюющих сторон считает должным увековечить память о погибших. Данный процесс, в том числе, формирует коллективную память о прошлом своего народа. О ней, как правило, начинают задумываться не сразу, а по истечении некоторого времени – все зависит от масштаба и трагедии военного конфликта.

4 июня 2014 г. постановлением № 534 Совета Министров Республики Беларусь была принята к реализации Государственная программа на 2015 – 2020-е гг. по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн, в том числе и Великой Отечественной войны, направленная «на гражданско-патриотическое воспитание, формирование уважительного отношения к погибшим при защите Отечества, событиям, вошедшим в историю Беларуси как символы героизма, мужества, стойкости и самопожертвования народа» [1].

В связи с этим в данной статье рассмотрен процесс увековечения памяти о погибших или получивших смертельные ранения воинах Красной армии при освобождении г. Полоцка от нацистского оккупационного режима на примере братских могил, начиная с июля 1944 г. За основу исследования взяты четыре по типу захоронения братские могилы (№ 4250 – площадь Свободы, № 4252 – Фатыновское кладбище по ул. Дзержинского, № 4253 – Красное кладбище по ул. Гагарина, № 4254 – кладбище Ксаверия). Всего на территории г. Полоцка расположено 6 братских могил общим количеством захороненных по официальным данным 1 466 человек [2, с. 233].

Одним из первых шагов полоцких городских властей по увековечению памяти погибших является решение о необходимости ухода за братскими могилами, а также их учет, о чем свидетельствует протокол заседания Бюро Полоцкого РК КП(б)Б от 28 июля 1944 г.: «Обязать исполкомы советов, а в г. Полоцке горсовет: построить ограды вокруг кладбищ, а также одиночных братских могил, произвести подсыпку земли и одерновку могил, посадку деревьев, цветов и других декоративных растений; восстановить, а там где нет, сделать новые постаменты и надписи о похороненных в данной могиле. Надписи восстановить на металлических пластинах масляными красками,